

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

«ГОЛОВОКРУЖЕНИЕ ОТ УСПЕХОВ».
«ДОБРОВОЛЬНАЯ» КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

В 2010 г. исполнилось 80 лет со дня «добровольной» коллективизации хозяйств отечественных крестьян. Эта дата прошла незаметно для российской общественности, без обсуждений и аналитических исследований, в отличие от реформ 1861 года и отмены крепостного права, несмотря на то, что по своей сути эти реформы тесно связаны друг с другом.

В чем же дело? Может быть, в том, что отмена крепостного права готовилась много лет, а коллективизация была практически спонтанным возвращением к уже пройденному этапу централизации управлением сельского хозяйства? А может быть, в связи с тем, что «расколлективизация» сельского хозяйства, случившаяся в 90-х годах, также представляет собой не более чем спонтанное разрушение этой оси централизации, без разработки путей выхода в новые условия организации сельского хозяйства, то есть использование того же подхода, что и при насильственной коллективизации. Но насколько эффективно насилие в такой естественной, природной области, формировавшейся тысячелетиями, как сельское хозяйство? Именно поэтому такие судьбоносные для России даты, как «добровольная» коллективизация, нельзя забывать, хотя бы для того, чтобы они не повторялись в будущем.

1930 год был продолжением «великого перелома», продолжением пятой революции русских марксистов в XX веке. Продолжением было постановление ЦК партии «О темпах коллективизации и мерах помощи государству колхозному строительству» (от 05.01.30), которым намечается проводить «добровольную» коллективизацию в три этапа в зависимости от районов. На практике же в колхозы все чаще начинают загонять силой. Начался второй этап насильственной коллективизации (1930–1931). Он был периодом уничтожения кулака «как класса», хотя точнее – середняка. Кулака уничтожили в гражданскую войну. Удельный вес колхозов в общем объеме валовой продукции сельского хозяйства составлял в 1927–1928 гг. всего лишь около 2%, а в товарной — менее 7%. Несмотря на широкую пропаганду и материальную поддержку, рост колхозов шел медленно. В 1929 г. в колхозах состояло 3,9% крестьянских дворов. Их доля в валовой продукции сельского хозяйства не превышала 2,6%. Из районов сплошной коллективизации часть кулаков (а это были лучшие сельские хозяйства) отправляли в лагеря, часть вместе с семьями ссылали в отдаленные регионы. Некоторых просто выселяли из деревень. Самовольное переселение кулацких хозяйств и распродажа ими имущества были запрещены. Расправа затронула и значительную массу середняков. В итоге, по разным оценкам, ликвидации подвергались более 1 млн хозяйств, насчитывавших от 5 до 10 млн человек. Из объединившихся дворов создавали коммуны (почти 45% колхозов), где даже мелкая домашняя птица становилась общей. Потребовалось два года, чтобы понять, что такое объединение ведет к хозяйственной катастрофе. Но 30 января 1930 г. Политбюро ЦК принимает решение о сплошной коллективизации. Сплошная коллективизация крестьян, органически соединенная с ликвидацией «кулачества как класса», предстала перед изумленным народом как практически начавшееся крупномасштабное социальное действие, похожее на возвращение к гражданской войне и пути военного коммунизма, как высказывался Бухарин в спорах со Сталиным, «военно-феодальной эксплуатации». Указания о порядке и способах ликвидации кулацких хозяйств были даны лишь в конце января — начале февраля, когда раскулачивание уже шло полным ходом.

Выступление вождя на I Всесоюзной конференции аграрников-марксистов было воспринято практическими работниками как руководство к действию. Если в момент произнесения речи в колхозах было чуть больше 20% крестьянских хозяйств, то к марту 1930 г. их стало уже более 50%. (1 марта было принято Утверждение примерного Устава сельскохозяйственной артели, согласно которому обобществлялись земли, скот и инвентарь. В личной собственности крестьянина оставались: дом, усадьба, одна корова и определенное количество голов мелкого скота.) Обобществлялся весь рабочий скот и все коровы, до 80% свиней, 60% овец и т. п.

Приняты 30 января и 1 февраля Постановления ЦК, ЦИК и СНК о борьбе с кулаками. В 1920–1930 гг. 240 тыс. семей кулаков, которым запретили вступать в колхозы, были высланы. Однако действительное число высланных в 1929–1933 гг. колеблется, по разным оценкам, от 5 до 10 млн человек. Немедленным следствием насильственной коллективизации и раскулачивания явились полная дезорганизация работ, а также активное и в основном пассивное сопротивление крестьян, повсюду забивавших скот. Сталин помнил, что большевистский переворот был успешен тем, что к октябрю 1917 г. частного хлеба на рынке практически не было. Но, несмотря на это, Сталин продолжает коллективизацию и вводит карточную систему.

За первые три месяца 1930 г. в стране зарегистрировано около четырех тысяч крестьянских выступлений, в них участвовали около двух миллионов человек. Армия и часть ОГПУ воюют с народом. Власть разрешала применять против повстанцев судебные и несудебные репрессии. Начинается массовый забой скота. Опасность срыва весенней кампании вынудила Сталина, как и Ленина в 1921 г., пойти на уступки (НЭП). Неожиданно для соратников публикуется его статья «Головокружение от успехов» в «Правде» от 2 марта, в которой он возлагает вину за катастрофические последствия коллективизации на местные власти, обвиняя их в «головоотягстве», и призывает вернуться к разумному кооперированию на добровольной основе. «Отец народов» заявил «о некоторых перегибах в вопросе добровольности». Извращения принципов и методов коллективизации были столь вопиющи, а результаты ее так ужасны, что вождь был вынужден написать статью «Головокружение от успехов», осудив перегибы, но и одновременно свалив вину за них на местных работников.

14 марта принято новое Постановление ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении». Доля коллективизированных крестьянских хозяйств падает с 55% в марте до 24% в июле, однако в дальнейшем она будет неуклонно расти: в 1931 г. — 52%, в 1934 г. — 71%.

Для многих историков и экономистов до сих пор остается загадочной причина приостановки вождем всеобщей коллективизации, когда крестьянам было разрешено вернуться из уже созданных коммун и товариществ по совместной обработке земли (ТОЗ) к своей земле. Что же было главным мотивом появления статьи «Головокружение от успехов», приостановившей коллективизацию? Дело в том, что «колхозы» того времени — ТОЗы и коммуны, владеющие на законных основаниях землей своего хозяйства, — в корне отличались от артелей, этих объединений безземельных крестьян, своего рода мастеровых, производителей скупаемой государством товарной продукции, например, дегтя, дранки — деревянного покрытия крыши. Вождь узаконил национализацию земли, закрепощение крестьянства, сделав артель единственным типом коллективного хозяйства. Предоставление каждому члену артели, главе семьи приусадебного участка — для воспроизведения и прокорма рабов — сделало артели приемлемыми для крестьян и уменьшило тяготы краха сталинских земельных реформ. Приусадебные участки в результате кормили всю страну. Новоявленные артели должны были снабжать хлебом все крестьянство. Урожая хлебов, выращенного, по планам районных комитетов партии ближайших к колхозам и совхозам городов, не хватало для прокорма возросших в числе потребителей.

Уничтожив сопротивляющихся, Сталин, считавший, что «...роль, так называемых объективных условий, свелась к минимуму», провозгласил на XVI съезде: «Работа ЦК... шла... по линии исправления и уточнения пятилетнего плана в смысле увеличения темпов и сокращения сроков... Только дальнейшее ускорение темпа развития нашей промышленности даст нам возможность догнать и перегнать в технико-экономическом отношении передовые капиталистические страны». «Большевистские планировщики» предложили до 80% капиталовложений в промышленность направлять на тяжелую индустрию, которая должна была вырасти в 3,3 раза. Для этого требовались колоссальные накопления. Государство, единственная движущая сила индустриализации в СССР, обеспечивало перераспределение средств, продавая все, что можно, от произведенных искусств до рабского труда. Обычно переход к индустриальной экономике сопровождается возрастанием фонда накопления (это средства, идущие на строительство промышленных объектов, для производства оборудования и т.п.). В СССР это произошло за счет фонда потребления (средств на зарплату, удовлетворения нужд населения в одежде, обуви и т.п.), на эти цели расходы последовательно увеличивались с 5–10 до 20–30% национального дохода (чистого дохода страны за год). Только концентрированным государственным

насилием, усилением эксплуатации населения, его энтузиазмом, то есть внеэкономическими методами, можно было этого добиться.

За весну около 9 млн крестьянских хозяйств покинули колхозы. Однако не изменение политики провозгласил первый секретарь, а лишь кратковременную передышку ее на полевой сезон. Уже в сентябре Сталин рассылает директивное письмо «О коллективизации». В нем предписывается завершить сплошную коллективизацию до весны 1932 г., не растягивая ее на весь год. Теперь кампания была подготовлена несравненно крепче. Подтянуты силы, проинструктированы люди. На примере репрессированных кулаков продемонстрировано, к чему приводит нежелание вступать в колхозы. И дело пошло. Весной 1931 г. наверстали упущенное, вновь доведя обобществление крестьянских дворов до 55,8%. В 1932 г. в колхозах состояло уже 61,5%, а к 1934 г. — до 2/3 крестьянских дворов. Сплошная коллективизация завершилась!

Сталин сделал окончательный выбор: начал поголовную коллективизацию и приступил к формированию гигантских армий ГУЛАГа, главным образом, за счет раскулачиваемых, а позже — недовольной всем и во все времена интеллигенции, а вместе с ней и всех остальных. Свои провалы в социалистическом строительстве Сталин и его сподвижники постарались объяснить сопротивлением со стороны интеллигенции. Продолжались аресты и ссылки крупнейших экономистов, аграрников и биологов.

На XVI съезде ВКП(б) (27 июня — 2 июля 1930 г.) вождь расширил директивы, «Злостное вредительство верхушки буржуазной интеллигенции во всех отраслях нашей промышленности, — заявил он, — зверская борьба кулачества против коллективных форм хозяйства в деревне, саботаж мероприятий Советской власти со стороны бюрократических элементов аппарата, являющихся агентурой классового врага...». Дело не ограничилось арестами. Было решено инсценировать несколько показательных процессов.

27 сентября 1930 г. ЦК направил «на места» циркулярное письмо, в котором обрушился на тех, кто пытался подменить организацию колхозов организацией кооперативов, и потребовал перерастания кооперативов там, где они были созданы, в колхозы. Это был конец ленинского кооперативного плана и кооперативного движения вообще.

Шла трансформация науки, в студенты принимали по классовому признаку только рабочих и крестьян. Связано это было с тем, что количество научных работников из таких социальных слоев было незначительным среди руководящих кадров и немного выше в среднем звене. Это соотношение требовалось изменить, что и сделали. Только перед войной начинают принимать в вузы, не анализируя глубоко происхождение. Война на пороге.

Существовала даже точка зрения, впрочем, официально отвергнутая, о необходимости полного устранения с помощью «чистки» всех студентов «непролетарского» происхождения, «неспособных стать действительными «красными специалистами» нового реконструированного государства». Тем самым были заложены основы последующей метаморфозы «буржуазной» науки в «пролетарскую» и соответствующего потом глобального отставания. Это произошло в следующем десятилетии.

Проводились собрания научных работников, в т.ч. и в ТСХА, под общим названием «О фактах вредительства в сельском хозяйстве». Докладчики: профессора С.А. Зернов, В.В. Подарев и др. Основная тема: «На борьбу с вредительством, на борьбу за социалистическую реконструкцию сельского хозяйства!» и т.д. В результате удалены из ТСХА сын крепостного профессор А.Г. Дояренко, А.В. Чайнов, Н.Д. Кондратьев и ряд других профессоров, со стороны которых наблюдали, как формулировалось докладчиками, «игнорирование пролетарски настроенных аспирантов»... Такие показательные псевдонаучные бои станут нормой жизни и будут иметь огромное значение в жизни научных коллективов. Они практиковались не только в 30-е гг., но и в дальнейшем, продемонстрировав свою эффективность на различных сессиях, в т.ч. и на августовской ВАСХНИЛ в 1948 г. Необходимость и логика проведения таких мероприятий были простыми и эффективными — «представители пролетарской общественности» своими аплодисментами и выступлениями помогают вести бои в нужном на данный момент направлении.

Применяя психологическое давление, пытки и издевательства, сотрудники ОГПУ добились у арестованных «признаний» в своей вредительской и шпионской деятельности. Во время проведения показательных процессов по делу «Промпартии» (25 ноября — 7 декабря 1930 г.), на скамье подсудимых оказались профессор технических вузов во главе с ученым и инженером Л.К. Рамзиным. Прошли демонстрации с плакатами «Смерть Рамзину!». Процесс шел до 7 декабря под аккомпанемент поощряющих статей М. Горького.

Процесс сняли для звукового кино и показывали в кинотеатрах в течение последующих месяцев.

После ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) пресса призывает усилить работу по дифференциации советской интеллигенции, по борьбе с правыми реакционными интеллигентскими слоями.

По мнению Г.Е. Зиновьева, именно Н.Д. Кондратьев был главой контрреволюционной профессорской организации и одновременно мифической Трудовой крестьянской партии (позже туда вписали и Н.И. Вавилова). Об арестах «кулацкой профессуры» Н.И. Ежов писал: «Буржуазная профессура наших вузов развила бешеное наступление против подготовки пролетарских специалистов». Он требовал от всех тимирязевцев «определиться, «за» они или «против», потому что другого ответа здесь нет и быть не может». И они определялись: или сквозь зубы, или уходом из академии. Но были и такие, кто, почувствовав генеральную линию, на этом сделали карьеру. И пропитывали, как требовали, диалектическими и материалистическими идеями каждую научную дисциплину. В октябре общее собрание коллектива ТСХА «заклеймило» профессоров Кондратьева, Чайнова, Дояренко и других, потребовав для них высшей меры наказания. Профессор Вильямс скажет об арестованных: «Они считали: наука — не дело рабочих и крестьян, у них нетренированный ум, и они не смогут освоить теоретические знания». И это о крестьянских детях, происхождение которых ему прекрасно известно!

Чайнова допрашивали в конце 1930 г. Годом раньше Сталин писал: «Рухнули и рассеялись в прах возражения «науки» против возможности и целесообразности крупных зерновых фабрик в 40–50 тысяч гектаров. Практика опровергла возражения «науки», показав лишний раз, что не только она должна учиться у «науки», но и «науке» не мешало бы поучиться у практики». Генсек настойчиво ставит ударение на слово «наука». Призывая ученых учиться у практиков, не забывая каждый раз окружать само слово «наука» кавычками, демонстрируя свое неуважение к ней, он не обходился без элементарной подтасовки. Руководство страны не нуждалось в науке, чьи рекомендации не совпадали с их собственными, призывавшей к осторожности при осуществлении «грандиозных экспериментов» строителей советского казарменного социализма. Мало того, она, эта «наука», ему мешала. Например, наука возражала против создания совхозов-гигантов. Ученые высказывали тревогу по поводу сплошной распахки степей. Указывали на нарушение экологических связей, уничтожение путей миграции животных, распахку мест гнездования птиц, грубого вторжения в складывавшиеся тысячелетиями цепи взаимодействия видов и на прямую опасность всего этого для человека. И сегодня мы знаем, что эти опасения были правильными.

Чайнов писал: «Рубль всегда был и будет лучшим педагогом во всех хозяйственных делах». Для практиков и теоретиков рождавшейся в 20-х гг. XX в. административно-командной системы это утверждение было не просто спорным, но и крамольным, мелкобуржуазным. В течение нескольких десятилетий они боролись за освобождение трудящихся от власти «Его величества рубля». И в результате привели их под власть «Его величества плана».

Одной из характерных особенностей теоретиков воинствующего материализма, работавших в области с.-х. производства, было стремление оторвать последнее от его природно-биологической основы, отодвинуть на второй план факторы экономические и выдвинуть на первый — социальные, рассматриваемые как основные движущие силы. Отсюда и отработанная со временем советская методика директивного планирования, опирающаяся на декрет, закон, указание, «классовую волю пролетариата» и т.п. «Кадры решают все».

Кое-где стихийно возникают открытые выступления. Удивительно не то, что они случались, а их редкость, кратковременность, отсутствие вооруженных форм, которые применялись только со стороны государства — сил, подавляющих выступления, в т.ч. и воинских. Может быть, сказывались потери 20% населения после Октябрьской революции и гражданской войны, а также общая усталость населения от декретов и постановлений партии и правительства. Но тем не менее, это на время остудило излишне горячие головы.

То, что произошло в 30-х гг. и в последующем со страной, — результат «добровольной» коллективизации. Ее можно оценить как вторичное закрепощение крестьян (возврат к крепостному праву до 1861 г., до Великой реформы). А можно назвать контрреволюционным переворотом, или пятой революцией русских последователей Маркса, в значительной степени погубившим государственную систему земледелия России и саму землю.

Наиболее очевидные результаты коллективизации: повальные вырубki лесов на экспорт (так как необходимо было золото), открывшие дорогу северным ветрам, что привело к заливу поймы рек, сделав невозможным земледелие в ряде регионов России, засолив и загноив земли. В конечном итоге все это вело к голоду. Введение карточной системы и специального снабжения на заводах в первую очередь ударило по населению и горожанам, не прикрепленным к производствам и учреждениям. В связи с этим рыночные цены в стране выросли к концу первой пятилетки в 30 раз. Но зато прошла индустриализация, примерно 40% денег для индустриализации дал хлебный экспорт. Наш вывоз зерна сбивал мировые цены еще ниже. Крестьянство, кормившее страну, было поставлено перед жестокой альтернативой абсолютного экономического и социального подчинения или угрозы голодной смерти. Это было продолжением гражданской войны в России, по сути — вторая гражданская война. В результате всего этого громадные (сколько реально, никто не знает) потери населения в страшные годы коллективизации и голода, завершивших преобразование деревни. Оставшееся ослабленное и униженное сельское население подчинилось и беспрекословно выполняло распоряжения.

С этого момента российская деревня фактически перестает развиваться. Разорвана связь времен и цепь традиций. Но командно-административная система выполнила желание Сталина. Тем не менее, в страшной войне с крестьянами победителей не оказалось. В конечном итоге это была Пиррова победа: продукция зернового хозяйства колебалась вокруг одного и того же низкого уровня, а животноводство так никогда и не оправилось от этого удара. Земля и крестьяне отомстили победителям: земля перестала давать урожай, а крестьянин перестал с любовью относиться к земледельческому труду. В результате возникли проблемы с продовольствием, внесшие существенный вклад в развал СССР. Это была страшная, но справедливая месть.

Ректор РГАУ – МСХА имени К.А. Тимирязева,
д.э.н., проф., чл.-корр. РАСХН, заслуженный деятель науки РФ **В.М. Баутин**